

DOI: [10.14515/monitoring.2023.3.2335](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2335)

Н. Н. Куницына, Е. И. Дюдикова

МАСШТАБЫ ЗАНЯТОСТИ В НЕФОРМАЛЬНОМ СЕКТОРЕ ЭКОНОМИКИ: ПАРАДОКСЫ ИЗМЕРЕНИЯ

Правильная ссылка на статью:

Куницына Н. Н., Дюдикова Е. И. Масштабы занятости в неформальном секторе экономики: парадоксы измерения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 3. С. 217—238. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2335>.

For citation:

Kunitsyna N. N., Dudikova E. I. (2023) The Scale of Employment in the Informal Economy: Measurement Paradoxes . *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 217–238. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.3.2335>. (In Russ.)

Получено: 08.11.2022. Принято к публикации: 29.05.2023.

МАСШТАБЫ ЗАНЯТОСТИ В НЕФОРМАЛЬНОМ СЕКТОРЕ ЭКОНОМИКИ: ПАРАДОКСЫ ИЗМЕРЕНИЯ

КУНИЦЫНА Наталья Николаевна — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой финансов и кредита Института экономики и управления, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

E-MAIL: nkunitcyna@ncfu.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9336-8100>

ДЮДИКОВА Екатерина Ивановна — доктор экономических наук, младший научный сотрудник научно-образовательно-центра «Инновационное развитие кредитно-финансовой сферы» Института экономики и управления, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

E-MAIL: dudikova.e@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-8126-6529>

Аннотация. Наличие достаточного количества рабочих мест в формальном секторе экономики способствует сокращению размеров неформальной и теневой занятости. Их измерение требует оценки фактических масштабов неформализованной занятости, рассматриваемой мировым сообществом в двух взаимодополняющих аспектах: занятости в неформальном секторе и неформальной занятости. Сегодня отсутствует единый методологический базис измерения неформальной занятости в целом, в основу отечественного подхода положена методика 1993 г., не отражающая современных тенденций. В этой связи авторы статьи преследовали несколько целей: аргументировать несоответствия официально представляемых данных реалиям рынка труда, определить недостатки характеристик,

THE SCALE OF EMPLOYMENT IN THE INFORMAL ECONOMY: MEASUREMENT PARADOXES

Natalia N. KUNITSYNA¹ — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Department of Finance and Credit, Institute of Economics and Management

E-MAIL: nkunitcyna@ncfu.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9336-8100>

Ekaterina I. DUDIKOVA¹ — Dr. Sci. (Econ.), Junior Researcher at the Scientific and Educational Center "Innovative Development of the Credit and Financial Sphere", Institute of Economics and Management

E-MAIL: dudikova.e@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-8126-6529>

¹ North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia

Abstract. The presence of a sufficient number of jobs in the formal sector of the economy helps to reduce the size of informal and shadow employment. Its measurement requires an assessment of the actual scale of informal employment considered by the world community in two complementary aspects, namely, employment in the informal sector and informal employment. The literature lacks a single methodological basis for measuring informal employment, and the domestic Russian approach is based on the 1993 methodology, which does not reflect modern trends. Thereby, the authors of this article pursue several goals: to argue the inconsistencies of officially reported data with the realities of the labor market, to identify the shortcomings of the characteristics applied to the sampling units of the informal sec-

применяемых к единицам выборки неформального сектора, на основе результатов проведенного социологического опроса оценить масштабы неформальности в сегменте малого и среднего предпринимательства (МСП), сформулировать рекомендации по совершенствованию методологического базиса оценки занятости в неформальном секторе. В ходе исследования применена адаптированная методика Путниньша-Сауки, позволившая определить Индекс неформальной экономики и границы занятости в неформальном секторе. Полученные результаты имеют прикладное значение для проведения региональных социально-демографических исследований.

В результате выявлены неточности статистической информации о занятости в неформальном секторе МСП, охарактеризован комплекс факторов, влияющих на степень вовлеченности предпринимателей в неформальную экономику как социальное явление. Установлено, что в отсутствие интенсивного сдерживающего государственного вмешательства на рынке, а также при разумной поддержке бизнеса и обеспечении условий для его развития интерес предпринимателей к теневой деятельности снижается. Отмечается невозможность полного искоренения неформализованной занятости, акцентируется внимание на перспективности сокращения ее границ с позиции как репрессивных мер воздействия, так и полномасштабной реализации превентивных процедур и внедрения стимулов в рамках социальной экосистемы взаимодействия.

Ключевые слова: занятость в неформальном секторе, неформальная за-

тор, to assess the extent of informality in the segment of small and medium-sized enterprises (SMEs) based on the results of a sociological survey, and to formulate recommendations for improving the methodological basis for assessing employment in the informal sector. The study employs the adapted Putniņš-Sauka methodology, which allowed determining the Informal Economy Index and the boundaries of employment in the informal sector. The results obtained are of practical importance for conducting regional socio-demographic research.

The study revealed inaccuracies in statistical data on employment in the informal sector of SMEs and characterized the factors affecting the degree of involvement of entrepreneurs in the informal economy regarded as a social phenomenon. It was established that in the absence of intensive restraining state interventions, on the one hand, and with the support of business and the provision of conditions for its development, on the other hand, the interest of entrepreneurs in shadow activities decreases. The authors note that it is impossible to completely eradicate informal employment and discuss the prospects of reducing its scale both from the standpoint of repressive interventions and the full implementation of preventive procedures introducing incentives within the social ecosystem of interaction.

Keywords: employment in informal sector, informal employment, entrepreneur-

нятость, предпринимательство, рынок труда, теневая экономика, региональное социологическое исследование

ship, labour market, shadow economy, regional sociological study

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Северо-Кавказского федерального университета.

Acknowledgments. The study was funded by North Caucasus Federal University.

Введение

В период формирования цифрового государства негативное влияние на национальную экономику оказала пандемия COVID-19, ее последствия, а также рост напряженности на международной арене. В наибольшей степени пострадал сектор малого и среднего предпринимательства (МСП), представители которого ощутили спад производства и, как следствие, снижение уровня доходов. Начиная с 1990-х годов, и особенно в шоковые периоды, данная категория хозяйствующих субъектов способствовала масштабируемости процесса теневизации экономики в целом и рынка труда в частности. Согласно официальной информации¹, доля неформально трудоустроенных в общей численности занятых за последние 10 лет выросла более чем на 6 процентных пунктов (в 2001 г. — 14,1%, в 2010 г. — 16,4%, в 2021 г. — 20,3%) и по итогам 2021 г. превысила 15 млн человек². Скрытый фонд оплаты труда составляет 12,6% ВВП, потери бюджетной системы из-за неформальной занятости — около 3 трлн руб. ежегодно (порядка 3% ВВП), потери социальных фондов — примерно 2,3 трлн руб.³ Оценка данных показателей важна в силу ряда причин — это и необходимость выявления национальных и региональных тенденций в сфере занятости, и ориентир для разработки эффективной социальной политики, способствующей трудоустройству в легальной среде, и средство информирования населения, и инструмент анализа взаимосвязей между экономическим ростом и занятостью. Последнее особенно актуально, так как без детальной структуры занятости в неформальной экономике, дополняющей статистику официального рынка труда, сложно определить направления стимулирования социально-экономического роста в векторе увеличения количества рабочих мест и масштабов поддержки формального сектора. Концептуально в статье авторы придерживаются позиции, выдвинутой на Международных конференциях труда (МКТ): неформальная экономика включает все виды экономической деятельности лиц, занятых в экономических единицах, которые с точки зрения законодательства или в реальной практической деятельности не охвачены или учтены не в полной мере формальными трудовыми договоренностями, а также официальными право-

¹ Рынок труда, занятость и заработная плата / Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 05.09.2022).

² Полагаем, что реальный показатель доли занятых в неформальном секторе значительно превышает ее официальный уровень, по некоторым оценкам он достигает 46%.

³ Обеление с тенью сомнения. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2019/09/24/5d81ec209a7947a916d86aad> (дата обращения: 19.09.2022).

выми положениями⁴. Подтверждением данного подхода выступают исследования С. Б. Барсуковой: «неформальная экономика включает в себя разнородную экономическую деятельность, которая может вести или не вести к получению дохода, <...> может осуществляться в разных формах и масштабах. Однако то общее, что объединяет это качественное разнообразие и позволяет сводить к понятию „неформальная экономика“, состоит в дистанции подобной деятельности от государственного формального регулирования, учета и контроля» [Барсукова, 2004: 32]. Экономические субъекты неформальной экономики осуществляют легитимную, общественно одобряемую и полезную деятельность без нанесения прямого вреда людям и окружающей среде [Покида, Зыбуновская, 2021], их трудовая деятельность может не соответствовать правовым требованиям, но и не подпадать под предмет уголовного права⁵.

Однако до сих пор не разработана единая методика оценки неформальной занятости. Разнообразие применяемых прямых и косвенных методов ее измерения приводит к существенному разбросу результатов. Кроме того, не всегда удается достоверно определить масштаб проблемы, которая усугубляется еще и тем, что Россия не принимает регулярного участия в международных социологических исследованиях, служащих источниками для расчета Индекса теневой экономики. «Неформальная занятость как таковая Росстатом не отслеживается. <...> для ее оценки большинство исследователей пользуется статистикой занятости в неформальном секторе, не задумываясь о том, что неформальная занятость не идентична занятости в неформальном секторе» [Кубишин, 2021: 55].

На существенные различия между нелегальными и неформальными практиками обращали внимание А. Портес, М. Кастелс и Л. Бентон [Portes, Castells, Benton, 1989; Портес, 2003]. Государственный орган статистического учета определяет нелегальную экономическую деятельность как незаконную, отделяя ее от скрытой и неформальной⁶. При этом с последними двумя терминами связан ряд научных дискуссий, отсутствует четкое их разграничение и/или указание на их взаимозависимость. Более того, не тождественны понятия неформальной занятости и занятости в неформальном секторе, подробно рассмотренные Международной организацией труда (МОТ)⁷, Межгосударственным статистическим комитетом СНГ и Всемирным банком: «занятость в неформальной экономике касается двух родственных концепций, дополняющих друг друга, но представляющих два разных аспекта „неформализации“: занятость в неформальном секторе и неформальная занятость»⁸. В основе концепции первой лежит характеристика производствен-

⁴ Decent Work and the Informal Economy. Report VI. International Labour Office. Geneva, 2002. URL: <https://www.ilo.org/public/english/standards/relm/ilc/ilc90/pdf/rep-vi.pdf> (дата обращения: 24.06.2023).

⁵ Измерение занятости в неформальной экономике: Рекомендации по применению в статистической практике методологических положений по измерению неформальной занятости и занятости в неформальном секторе // Статкомитет СНГ и Всемирный Банк. 2018. URL: <http://new.cisstat.org/social-labour> (дата обращения: 24.06.2023).

⁶ Понятие скрытой и неформальной экономической деятельности / Росстат. URL: https://www.gks.ru/bgd/free/B99_10/IssWWW.exe/Stg/d010/i010020r.htm (дата обращения: 24.06.2023).

⁷ Доклад МКТ. 90-я сессия. Достойный труд и неформальная экономика: пункт 6 повестки дня. Женева, 2002. 167 с. URL: <https://e-catalog.nlb.by/Record/BY-NLB-br413227> (дата обращения: 24.06.2023).

⁸ Измерение занятости в неформальной экономике: Рекомендации по применению в статистической практике методологических положений по измерению неформальной занятости и занятости в неформальном секторе / Статкомитет СНГ и Всемирный Банк. 2018. URL: <http://new.cisstat.org/social-labour> (дата обращения: 24.06.2023).

ной единицы, второй — характеристика рабочих мест (а не конкретных работников, так как одно лицо может одновременно работать на двух и более формальных и/или неформальных рабочих местах); при этом практически все категории занятости в неформальном секторе также классифицируются как неформальная занятость. В соответствии с рекомендациями 17-й Международной конференции статистиков труда (МКСТ), неформальная занятость определяется в ракурсе общей численности неформальных рабочих мест предприятий формального сектора, неформального сектора и домашних хозяйств в течение периода обследования⁹.

Приведенные аргументы по несоответствию данных, предоставляемых официальными органами учета, реальному положению дел актуализируют назревшую потребность в корректировке применяемой методики измерения занятости в неформальном секторе для измерения масштабов неформальной экономики.

Подбирая исходные данные для расчета Индекса теневой экономики и определения масштабов неформальной занятости, авторы опирались на принцип достижения наибольшего сходства формулировок вопросов социологического опроса с оригинальной методикой Путниньша — Сауки, адаптируя ее к современным российским условиям.

Теоретический обзор

Измерение теневой, скрытой, неформальной занятости является сложной задачей, решению которой посвятили свои работы ученые-социологи и экономисты С. Ю. Барсукова [Барсукова, 2003], Т. И. Заславская и М. А. Шабанова [Заславская, Шабанова, 2004], Е. С. Кубишин [Кубишин, 2021], А. Ю. Чепуренко [Чепуренко, 2022] и др. Отсутствие конкретного решения объясняется неучитываемым характером и недостаточно выраженными границами, тогда как большинство обобщений, по мнению Л. М. Капица, «представляют собой экстраполяции результатов отдельных целевых исследований» [Капица, 2014: 76]. В настоящее время существует огромное многообразие прямых и косвенных методов аналитической оценки ненаблюдаемого сегмента, каждый из которых «применим в определенных условиях и к сфере общественных отношений» [Косач, 2016] и позволяет получить приблизительную либо предположительную величину заданных параметров. Подчеркнем одноаспектность косвенных методов анализа отдельных компонентов потенциально скрытой экономики (балансового, монетарного, методов оценки занятости населения и др.), которые оценивают определенные факторы или явления на основании предположений и допущений широкого охвата индикаторов, не имеющих к ней непосредственного отношения. Достоверность информации снижается в силу громоздкости учета, погрешности расчетов и постоянно меняющейся методологии, ограничивающей возможность сопоставления данных, что подчеркивают А. Портес, С. Ю. Барсукова, А. Ю. Чепуренко, Д. Джайлс [Portes, Castells, Benton, 1989; Портес, 2003; Барсукова, 2003; Чепуренко, 2022; Giles, Tedds, Werkneh, 2002] и др. При этом прямым методам анализа ненаблюдаемого сектора экономики (анкетирование,

⁹ Guidelines Concerning a Statistical Definition of Informal Employment. *Report of the XVII International Conference of Labour Statisticians*. Geneva: 2003. P. 12—15. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/--dgreports/--stat/documents/normativeinstrument/wcms_087622.pdf (дата обращения: 24.06.2023).

социологические опросы, глубинные интервью, наблюдение и др.), позволяющим получить более детальную, структурированную информацию с учетом многозначности роли человеческого фактора, присущ субъективный и ограниченный характер отношений участников выборки к эмпирическому исследованию [Medina, Schneider, 2018; Воловская, Плюснина, Русина, 2017], а результаты обследования в значительной степени зависят от объекта, объема и структуры выборки, а также времени проведения исследования.

Еще одним немаловажным фактором масштабирования нерегистрируемых сделок, с позиции Б. Торглер, С. Шальтеггер, М. Халла, С. Ицхаки [Torgler, Schaltegger, 2005; Halla, 2012; Yitzhaki, 1974], выступает уровень налоговой морали в обществе: чем выше налоговая ответственность, тем ниже степень участия в серой экономике¹⁰. Налоговая мораль обуславливает отношение экономических субъектов к государству: в случае недоверия населения к власти снижается уровень мотивации к исполнению налоговых обязательств, усиливающийся особенностями налогового менталитета [Phillips, 2014]. Расширению границ ненаблюдаемой экономики также способствует и неудовлетворенность реализуемой государственной политикой (законодательством), что получило подтверждение в исследованиях [Torgler, 2003; Marien, Hooghe, 2011 и др.].

Поскольку ни один из существующих методов не является универсальным и признанным научным сообществом, не имеет целостного и глобального практического применения, в неизменном виде не позволяет всеобъемлюще и безусловно определить фактический масштаб ненаблюдаемого сегмента рынка труда, ученые проявляют все больший интерес к методике Путниньша — Сауки [Putniņš, Sauka, 2015], предполагающей посредством расчета «Индекса теневой экономики»¹¹ определение в том числе границ неформализованной занятости и выявление факторов, влияющих на вовлеченность в нее экономических субъектов. Аналитическую основу методики составляют сведения, полученные непосредственно в результате социологического опроса (анкетирования) менеджеров высшего звена, владеющих информацией о сокрытии видов или участков экономической деятельности при их непосредственном или неявном участии. В отличие от косвенных методов, подобный подход позволяет сократить количество предположений и «подстроиться» под изменяющиеся условия, что делает его более «полезным инструментом для оценки эффективности политики, направленной на минимизацию масштабов» [Путниньш, Саука, 2020: 7] серой экономики в благоприятный период развития «подпольного» сектора — ограничительных мер пандемии и усиливающейся санкционной нагрузки.

Очевидно, что в неформальном / скрытом / ненаблюдаемом / сером секторе экономики трудятся специалисты, определение численности которых выступает важной исследовательской задачей. Согласно положениям резолюции 15-й МКСТ, к лицам, занятым в неформальном секторе, относятся занятые в учетном перио-

¹⁰ Под налоговой моралью как степенью осознанного морального долга по уплате обязательных налогов (сборов, страховых взносов) понимаем индивидуальное отношение экономического субъекта к исполнению налоговых обязательств как социально значимому действию и в целом к налоговым преступлениям как девиантному поведению.

¹¹ Предлагаем название показателя «Индекс теневой экономики» в методике Т. Путниньша и А. Сауки интерпретировать как «Индекс неформальной экономики» для конкретизации сущности измеряемых показателей.

де хотя бы на одном предприятии неформального сектора независимо от статуса сотрудников и от характера выполняемой ими работы (основной или дополнительной). Иными словами, при интерпретации занятости в неформальном секторе акцент делается на нахождении рабочих мест именно на предприятиях неформального сектора, что доказывает целесообразность правильного и точного определения соответствующих единиц учета (выборки). Так, согласно методике Росстата¹², к занятым в неформальном секторе относятся: граждане, занимающиеся предпринимательской деятельностью без образования юридического лица или на индивидуальной основе, независимо от того, имеют или не имеют они государственную регистрацию в качестве предпринимателя (статус субъекта МСП); лица, работающие по найму у индивидуальных предпринимателей (ИП) и физических лиц; помогающие члены семьи в собственном деле, принадлежащем кому-либо из родственников; работающие на индивидуальной основе, без регистрации в качестве ИП; занятые в собственном домашнем хозяйстве по производству продукции сельского, лесного хозяйства, охоты и рыболовства для продажи или обмена.

Методологические подходы к измерению неформальной занятости заложены в положениях 15-й, 17-й, 19-й МКСТ (1993, 2003, 2013). Не приводя их в тексте статьи полностью, остановимся на ряде противоречий в части определения участников неформального сектора, с одной стороны, как самостоятельной концепции, с другой — как составного элемента неформальной занятости в целом¹³:

- такой критерий, как «низкий уровень организации и малый масштаб деятельности», утрачивает свое значение в силу ведения ФНС России Единого реестра субъектов МСП, предоставления им специальных налоговых режимов и преференций, требований минимальных объемов государственных закупок у субъектов малого предпринимательства и др.;
- критерий «организация производственной деятельности владельцами бизнеса на свой риск и личная без ограничений ответственность по любым обязательствам, связанным с производственным процессом» также подлежит критическому переосмыслению в свете активной работы государства в направлении официального вывода из тени предпринимателей и самозанятых, отвечающих по своим обязательствам всем принадлежащим имуществом, за исключением имущества, на которое в соответствии с законом не может быть обращено взыскание;
- неоправданным сегодня выглядит и критерий «осуществление предпринимательской деятельности отдельными лицами или с привлечением одного или нескольких оплачиваемых работников», поскольку индивидуальное предпринимательство подлежит регистрации в установленном порядке в соответствии с Гражданским кодексом РФ: гражданин вправе заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с момента государственной регистрации в качестве ИП;

¹² Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2022. Стат. сб. / Росстат. М., 2022. С. 88. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210> (дата обращения: 24.06.2023).

¹³ Официальная статистическая методология / Росстат. URL: https://www.gks.ru/bgd/free/B99_10/IssWWW.exe/Stg/d030/i030150r.htm (дата обращения: 21.09.2022).

- сомнительной представляется формулировка «отсутствие доступа (или малый доступ) к кредитным учреждениям, современной технологии, профессиональному обучению и др.» в части несоответствия реалиям активного дистанцирования, интеграционных процессов разного типа, глубокого проникновения электронных технологий в обществе, политике и экономике. Так, МОТ уже разграничивает понятия «работа в удаленном режиме», «работа с помощью дистанционного доступа», «надомная работа» и «работа из дома»¹⁴.

Анализ теоретических положений исследуемого явления приводит к выводу, что неформальная экономическая деятельность является частью скрытой легальной / серой экономики (серая как сегмент теневой экономики включает легальную финансово-хозяйственную деятельность с элементами нарушения налогового, трудового, гражданского законодательства, в отличие от криминальной как изначально противоправной деятельности [Капица, 2014]), следовательно, обоснованно относить абсолютно всех ИП и самозанятых к числу субъектов, осуществляющих деятельность, специально или непреднамеренно скрываемую / занижаемую с целью уклонения от уплаты налогов и социальных взносов, выполнения определенных административных обязанностей или предписаний по охране труда, санитарных и других норм. Возникает вопрос не только к правомерности определения единиц неформального сектора отсутствием государственной регистрации в качестве юридического лица и включения в категорию занятых в неформальном секторе 1) ИП, 2) лиц, официально работающих по найму у них, и 3) лиц, имеющих официальный статус самозанятых, но и к способу обследования неформального сектора — охвату выборки, ее достоверности, методам опроса, составу первичных данных, правильности интерпретации, неоднозначности содержания и всеохватывающему характеру пунктов анкетирования населения по проблемам занятости в целом, не позволяющим достоверно оценить масштаб неформального сектора рынка труда и не учитывающим отношение самих ИП и самозанятых к проблеме обособления законопослушных экономических субъектов. МКСТ неоднократно рекомендовали рассматривать сами единицы неформального сектора и их собственников в качестве единиц наблюдения и единиц учета, однако в российской практике такое предложение не было реализовано. Данные аргументы обусловили исследовательский интерес к проблеме пересмотра существующей методологии измерения масштабов занятости в неформальном секторе.

Методология

Изучение состояния ненаблюдаемого сегмента рынка труда через масштабированность занятости в неформальном секторе (с учетом отсутствия официальных данных о неформальной занятости и принятых государственными органами методик ее учета) в переломный период развития российской экономики 2020—2022 гг. требует определения Индекса неформализации основного сегмента рыночной экономики МСП России (далее — Индекс неформальной экономики)

¹⁴ Новые формы занятости и качество занятости: последствия для официальной статистики. Серия рабочих документов ЕЭК ООН по статистике. 2021. Вып. 8. URL: https://unece.org/sites/default/files/2021-06/New_forms_of_employment_RUS.pdf (дата обращения: 24.06.2023); 20-я МКСТ. Важнейшая конференция под эгидой МОТ выработала стандарты оценки новых и скрытых форм труда. URL: https://www.ilo.org/moscow/news/WCMS_647828/lang-ru/index.htm (дата обращения: 24.06.2023).

по методике Путниньша — Сауки, скорректированной с учетом специфического влияния шоковых условий в годы противозидемиологических ограничений и постковидного восстановления, осложненного санкционной нагрузкой и накапливающимся политическим противостоянием.

Адаптируя методику Путниньша — Сауки¹⁵ под исследовательские задачи, мы посчитали правомерной ее модификацию в части 1) интерпретации показателя «Индекс теневой экономики» с уточнением его названия как «Индекс неформальной экономики», 2) введения дополнительных пунктов в стандартный перечень опросной анкеты Путниньша — Сауки [Putniņš, Sauka, 2015; Путниньш, Саука, 2020] с соблюдением правил обследования и сбора информации:

- раздел «Внешние факторы влияния» дополнен положениями по оценке: 1) удовлетворенности реализацией, содержательностью, доступностью господдержки бизнеса и предпринимательства в шоковый период ограничительных мер пандемии, постковидного восстановления и санкционной нагрузки; 2) удовлетворенности уровнем содействия уполномоченных должностных лиц в решении возникающих вопросов в отрасли с целью администрирования в интересах экономических субъектов; 3) удовлетворенности работой ФНС, ПФР и отраслевых ведомств (ФАС, ФТС, Минтранс и др.); 4) уровня межведомственного взаимодействия в отрасли;
- раздел «Неформальный бизнес» расширен авторскими положениями по оценке: 1) степени сокрытия / фальсификации сведений в отрасли с целью получения необоснованной специализированной «ковидной» господдержки; 2) степени выявленных правонарушений (сумм сокрытия) с целью получения необоснованной специализированной «ковидной» господдержки (любой поддержки шокового периода) в организациях отрасли; 3) процента прекративших деятельность субъектов МСП в отрасли вследствие проведенных государством ковидных мероприятий разнонаправленного характера;
- раздел «Характеристика единиц учета» включил дополнения в части оценки уровня региональных условий, в том числе региональной поддержки ведения бизнеса в отрасли;
- в раздел «Деловой климат в отрасли» добавлены вопросы, оценивающие способность организаций отрасли влиять на рост региональной экономики и развитие региона в целом, а также определение возможности достижения совместных целей.

Выдержана и гарантирована полная конфиденциальность респондентов; принят во внимание косвенный характер провокационных вопросов, в том числе связанных с проблемой преднамеренного предоставления в государственные органы недостоверных сведений; увеличена степень остроты и чувствительности вопросов для исключения противоречивости ответов [Gerxhani, 2007; Hanousek, Palda, 2004]. Чтобы снизить риск недооценки масштабов явления в результате получения фальсифицированных данных или нежелания респондентов сотрудничать в связи с деликатным характером тематики, отобраны ответы участников, соддержательно непротиворечащие друг другу.

¹⁵ Не приводим в статье полный текст методики Путниньша — Сауки, полагая, что заинтересованные читатели ознакомятся с ней самостоятельно.

Расчет модифицированного Индекса неформальной экономики¹⁶ с применением метода Путниньша — Сауки проводился в три этапа.

Первый этап включал обработку ответов на вопросы анкеты с целью оценки степени сокрытия / занижения сведений о корпоративных доходах субъектов МСП ($UR_i^{CorporateIncome}$) и доли неучтенных заработных плат работников ($UR_i^{EmployeeRemuneration}$). Последний показатель учитывал сведения о приватно выплачиваемых сотрудникам вознаграждениях при наличии трудового договора (соглашения) — «заработных платах в конвертах» ($UR_i^{Salaries}$) — и количестве неофициально трудоустроенных с допущением равенства размера их заработной платы размеру оплаты труда сотрудников, имеющих легитимные трудовые отношения с работодателем ($UR_i^{Employees}$):

$$UR_i^{EmployeeRemuneration} = 1 - (1 - UR_i^{Salaries})(1 - UR_i^{Employees}) \quad (1).$$

На втором этапе рассчитана неучтенная доля доходов предпринимателей как средневзвешенная сумма занижения личного и корпоративного доходов, отражающая не только долю названных показателей в структуре ВВП (α_c), но и дополнительно введенное нами отношение средней заработной платы по данным Росстата к сумме средней налогооблагаемой заработной платы по оценке ФНС (f_c), позволяющее учесть необоснованное расхождение в статистическом учете:

$$UnobservableProportion_i = (\alpha_c UR_i^{EmployeeRemuneration} + (1 - \alpha_c) UR_i^{CorporateIncome}) f_c \quad (2).$$

На третьем этапе определен Индекс неформальной экономики путем расчета средневзвешенного значения, относящегося к скрытой деятельности предпринимателя:

$$INDEX_c^{InformalEconomy} = \sum_{i=1}^{N_c} (w_i + g_c) UnobservableProportion_i \quad (3),$$

где w_i — относительный вклад каждого субъекта МСП в ВВП России¹⁷, аппроксимируемый с использованием показателя относительной суммы выплачиваемой им заработной платы;

g_c — относительный показатель, отражающий долю в ВВП России¹⁸ объема оцениваемых в денежном эквиваленте выявленных правонарушений с целью получения необоснованной специализированной «ковидной» государственной поддержки / любой поддержки шокового периода¹⁹.

Базовыми компонентами Индекса неформальной экономики являются а) заниженные сведения о корпоративных доходах субъектов МСП, б) фальсифицированные / скрытые данные о суммах официально выплачиваемой заработной платы и иных вознаграждениях работникам, в) утаенная информация о численности фактически работающих сотрудников, то есть не состоящих в легальных трудовых отношениях с субъектами МСП (согласно применяемой Росстатом методике, это

¹⁶ Индекс измеряется в процентах ВВП и определяется на базе показателей дохода как суммы общей заработной платы работников и валового корпоративного дохода субъектов МСП. Показатель характеризует исключительно серую экономическую деятельность в частном секторе и не включает аспекты криминальной экономики.

¹⁷ При расчетах применяются положения Методики расчета показателя «Доля малого и среднего предпринимательства в валовом внутреннем продукте Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_321029/ (дата обращения: 24.06.2023).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Дополнительно введен авторами.

неформальные рабочие места на предприятиях неформального сектора). Однако полученные нами результаты опроса, представленные ниже, продемонстрировали необоснованное включение в расчет занятости в неформальном секторе неформальных рабочих мест предприятий формального сегмента.

Результаты

Опрос бизнесменов и предпринимателей²⁰ по методике Путниньша — Сауки, с учетом введенных нами корректив, проводился в период с января по июнь 2022 г. с целью оценки ненаблюдаемого сегмента МСП в течение последних трех лет с учетом социально-психологических установок, характеризующих «нормы правового и экономического сознания, ценностные ориентации, мотивы поведения» [Покида, Зыбуновская, 2021: 62]. В ходе исследования проведен социологический опрос 2854 предпринимателей и топ-менеджеров МСП Ставропольского, Краснодарского краев, Астраханской, Волгоградской, Ростовской, Саратовской областей, в том числе 357 индивидуальных формализованных очных интервью с владельцами бизнеса и менеджерами высшего звена и 2497 онлайн-опроса. При построении стратифицированной выборки использована процедура простого случайного отбора (SRS).

Динамика изменения масштабов неформальной экономики в России за период 2017—2022 гг., рассчитанная по методике Путниньша — Сауки (Индекс неформальной экономики в России), варьируется от 44,6% ВВП до 51,9% ВВП²¹: 2017 г. — 45,8%; 2018 г. — 44,7%; 2019 г. — 44,6%; 2020 г. — 51,9%; 2021 г. — 48,4%; 2022 г. — 47,9%. Причин резкого роста уровня ненаблюдаемой экономики в 2020 г. несколько: 1) в исследовании 2017—2019 гг. не конкретизирована и не сегментирована выборка экономических субъектов, в нее могли войти представители крупного бизнеса, составив основную долю опрошиваемых; 2) охват авторского обследования для определения Индекса в 2020—2022 гг. значительно шире по сравнению с числом респондентов применяемой методологии 2017—2019 гг.: 2854 против 500 опрошенных; 3) негативное влияние ограничительных мер, связанных с пандемией, побудивших субъекты МСП прибегнуть к сокрытию части доходов с целью сохранения клиентской базы, минимизации разрыва между выручкой и расходами и пр. Полагаем, что статистические данные, характеризующие теневую экономику в России (с учетом отсутствия четкой методологии определения ее границ)²², занижены и противоречат результатам опросов общественного мнения, полученным в ходе определения Индекса неформальной экономики, равно как и косвенным методом скрытых переменных [Putniņš, Sauka, 2015], что позволяет считать их скорее нижней границей масштабов ненаблюдаемого сектора, а не безоговорочным объективным ориентиром для оценки и принятия управленческих решений.

²⁰ Для определения респондентов использован метод стратифицированной случайной выборки из Единого реестра субъектов МСП (URL: <https://ofd.nalog.ru/index.html> (дата обращения: 23.06.2023)): исследованием охвачены более половины административно-территориальных единиц (субъектов РФ) всех федеральных округов.

²¹ Показатель Индекса теневой экономики 2017—2019 гг. представлен в исследованиях Т. Путниньша и А. Сауки, за 2020—2022 гг. и определен нами в ходе проведенного исследования.

²² Официальная статистическая методология / Росстат. URL: https://www.gks.ru/bgd/free/B99_10/IssWWW.exe/Stg/d030/i030150r.htm (дата обращения: 21.09.2022); Государственная статистика ведомств. ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/organizations/> (дата обращения: 19.10.2022) и др.

Согласно результатам исследования, более 70% объема неформальной экономики обусловлено фальсификацией сведений о выплачиваемой заработной плате (иных вознаграждениях) и сокрытием численности реальных работников, при этом последний показатель преобладает над первым и продолжает возрастать. Выявлены следующие значения трех базовых составляющих неформальной экономики в России: предоставление неполных / фальсифицированных сведений о численности работников: 2020 г. — 39,3%; 2021 г. — 41,1%; 2022 г. — 41,3%; выплачиваемой заработной плате: 2020 г. — 32,2%; 2021 г. — 31,8%; 2022 г. — 31,7%; корпоративных доходах субъектов МСП: 2020 г. — 28,5%; 2021 г. — 27,1%; 2022 г. — 27,0%.

Неформальный характер трудовых отношений поощряется согласием самих работников и зачастую инициируется с их стороны с учетом ежегодного повышения общего уровня их цифровой грамотности и роста степени доступности специализированной информации в понятном виде (основные причины: недостаток рабочих мест с достойной зарплатой на формальном рынке труда, наличие свободного / гибкого графика работы, увеличение доходов путем уклонения от уплаты налогов, сокрытие доходов для получения социальных льгот / выплат, сложности в поиске работы из-за ограничений здоровья / возраста / образования / регистрации и др. [Покида, Зыбуновская, 2021]). Показатели 2020 г. структурно отражают наименее благоприятный период развития «подпольного» сектора в сфере трудовых отношений на фоне жестких ограничительных мер и «блокировки» предпринимательской деятельности без освобождения от исполнения обязательных отчислений и выплат. Все же имеют место случаи умышленного сокрытия / фальсификации сведений о численности работников и фондах оплаты труда, что позволяет работодателю существенно снизить размеры обязательных отчислений и налоговую нагрузку, избежать выплат в случае наступления временной нетрудоспособности, нивелировав риск непредвиденных действий официально трудоустроенных сотрудников, а также выполнить требования соответствия критериям субъектов МСП для применения предусмотренных специальных условий (налоговых режимов, упрощенной системы бухгалтерского учета, сокращения количества плановых проверок и др.).

Результаты исследования свидетельствуют, что наиболее высокая степень сокрытия информации приходится на ковидный 2020 г. (см. табл. 1), при этом в период постпандемийного восстановления при снижении степени государственного вмешательства на рынке уменьшилось и количество респондентов, указавших в анкетах на сокрытие / фальсификацию сведений в отчетном периоде (в 2022 г. зафиксировано более половины таких опрошенных, что подтверждает приведенный выше тезис о необходимости корректировки методологии, применяемой Росстатом).

Таблица 1. Сведения о занижении размера доходов от предпринимательской деятельности, числа работников и сумм заработной платы в России, % от соответствующих фактических значений

Составляющие неформальной экономики	2020	2021	2022
Фальсифицированные сведения о численности работников	48,6	44,3	43,2
Заработная плата «в конверте»	39,2	36,1	35,4
Фальсифицированные сведения о размере корпоративных доходов субъектов МСП	32,5	30,4	30,0

Источник: составлено авторами.

Следующий этап исследования, посвященный анализу причин «общественно принимаемой» теневизации экономической деятельности с позиции отношения субъектов МСП к девиантному поведению, налоговой морали, восприятия вероятности разоблачения серых схем, удовлетворенности государственной политикой и действиями уполномоченных ведомств (структур власти), уровня осознания принадлежности к социальному сообществу и влияния институциональной среды, позволил получить следующие результаты. Так, согласно опросу, в России в ненаблюдаемый сектор в 2020—2022 гг. в той или иной степени были вовлечены экономические субъекты абсолютно всех отраслей: неформальный сектор не относится к числу феноменов, прослеживаемых преимущественно у экономических субъектов, отличающихся малым масштабом деятельности и низким уровнем организации. Доля субъектов МСП с численностью более 50 работников, вовлеченных в неформальную экономику, за три года повысилась с 35,2% до 38,6%, а с численностью менее 15 сотрудников снизилась с 31,0% до 26,5%. «Возраст» единицы учета и размер экономического субъекта не являются определяющими параметрами причисления к неформальному сектору: независимо от размера, времени регистрации, продолжительности функционирования на рынке, субъекты МСП в равной степени скрывают элементы хозяйственной деятельности с целью «оптимизации» расходов, укрепления позиций в отрасли, сохранения клиентской базы и поддержания конкурентоспособности.

Среди факторов, способствующих принятию решения об участии в серых схемах и уклонении от уплаты налоговых (иных обязательных) отчислений, триггером в пользу выбора решения о совершении противоправных уголовно не преследуемых действий выступает преобладание ожидаемых выгод над негативными последствиями в случае разоблачения [Yitzhaki, 1974]. В соответствии с результатами опроса, пятая часть респондентов высоко оценивают риск разоблачения фальсификации сведений, понимая рост масштабов вовлеченности экономических субъектов в теневизацию легальной хозяйственной деятельности. Подчеркнем, что в целом в России фиксируются высокие показатели, указывающие на серьезную проблему взяточничества (коррупции), на чем акцентируется внимание в Указе Президента РФ от 13.05.2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года»²³. Абсолютная уверенность в состоятельности сделки коррупционного характера обосновывается бюрократизмом и заинтересованностью сторон.

Вместе с тем более половины опрошенных уверены в низкой вероятности обнаружения преднамеренного предоставления недостоверных сведений о численности работников и суммах выплачиваемой заработной платы (иных вознаграждений), полагаясь на недоказанность фактов и наличие потенциально возможных вариантов «обходных путей» решения деликатных вопросов. Так, распределение ответов респондентов по наиболее вероятным последствиям обнаружения преднамеренной фальсификации сведений для субъектов МСП определены следующим образом:

- прекращение деятельности — 3,4%;
- серьезный штраф, риск банкротства/неплатежеспособности — 12,2%;

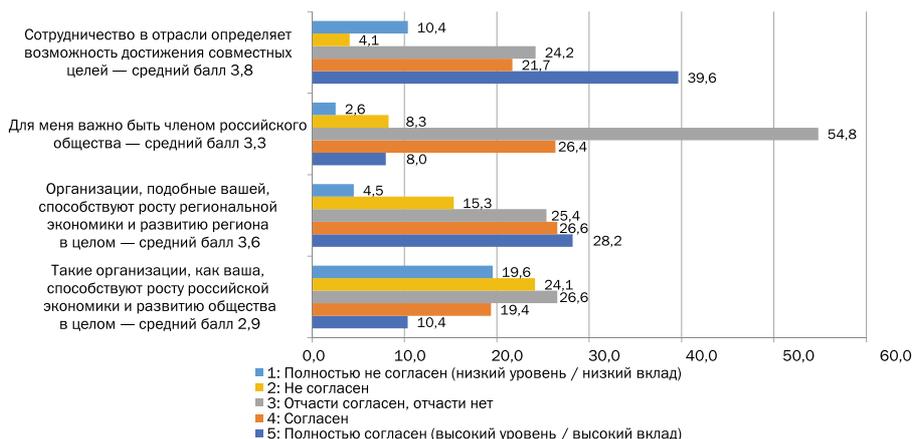
²³ Указ Президента РФ от 13.05.2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41921> (дата обращения: 24.06.2023).

- серьезный штраф, влияющий на конкурентоспособность — 23,4%;
- посильный штраф — 38,2%;
- несерьезное наказание — 22,8%.

В ходе исследования выявлено отношение субъектов МСП к оправданию мошенничества с налогами и обязательными отчислениями и оценена степень их терпимости к вовлеченности в неформальную экономику. Так, результаты указывают на невысокий уровень налоговой морали²⁴: в среднем значение варьируется от 2,5 (взятничество и уклонение от исполнения налоговых обязательств — по-зволительный образ действий) до 3,0 (мошенничество с налогами и отчислениями, если возникает возможность — всегда оправданно) баллов по шкале Лайкерта. Более того, преднамеренное уклонение от исполнения налоговых обязательств отечественным деловым сообществом не воспринимается как девиантное поведение. К взяточничеству представители МСП относятся довольно терпимо: лояльное восприятие как допустимого и нормального явления для нашей страны подобных действий в 2022 г. зафиксировано у 67,5% респондентов (в 1,74 раза больше аналогичного показателя 2018 г., заявленного Т. Путиньшем и А. Саукой).

Важное значение в становлении налоговой морали имеет выраженный уровень осознания экономическими субъектами их принадлежности к социальной группе (сообществу) [Heinemann, 2011; Konrad, Qari, 2012], для определения которого в опрос включены дополнительные положения, позволяющие оценить общее восприятие респондентами своего места в региональной экономике и деловой климат в отрасли. Согласно полученным результатам (см. рис. 1), российские предприниматели в среднем не отличаются высоким уровнем осознания своей принадлежности к сообществу, отмечая незначительный вклад с их стороны в экономический рост страны, в то же время оценка их роли в развитии региона значительно выше.

Рис. 1. Ощущение принадлежности к российскому обществу и восприятие вклада в рост экономики и развитие общества в целом: распределение ответов респондентов, %

Источник: составлено авторами.

²⁴ Налоговая мораль в период шоковых событий оценена как средние значения полученных ответов: полное согласие респондента оценивалось в 1 балл (самая низкая граница налоговой морали); полное несогласие — 5 баллов (наивысший уровень налоговой морали).

Поскольку анкета Путниньша — Сауки предусматривает вопросы, определяющие отношение менеджеров высшего звена только к налогообложению, мы модифицировали ее с учетом удовлетворенности а) работой ФНС, ПФР (с 2023 г. СФР) и отраслевых ведомств; б) содействием уполномоченных должностных лиц в решении возникающих вопросов и споров в интересах субъектов МСП; в) содер­жательностью, доступностью, реализацией государственной поддержки бизнеса в периоды вынужденных ограничительных мер, постковидного восстановления и санкционной нагрузки.

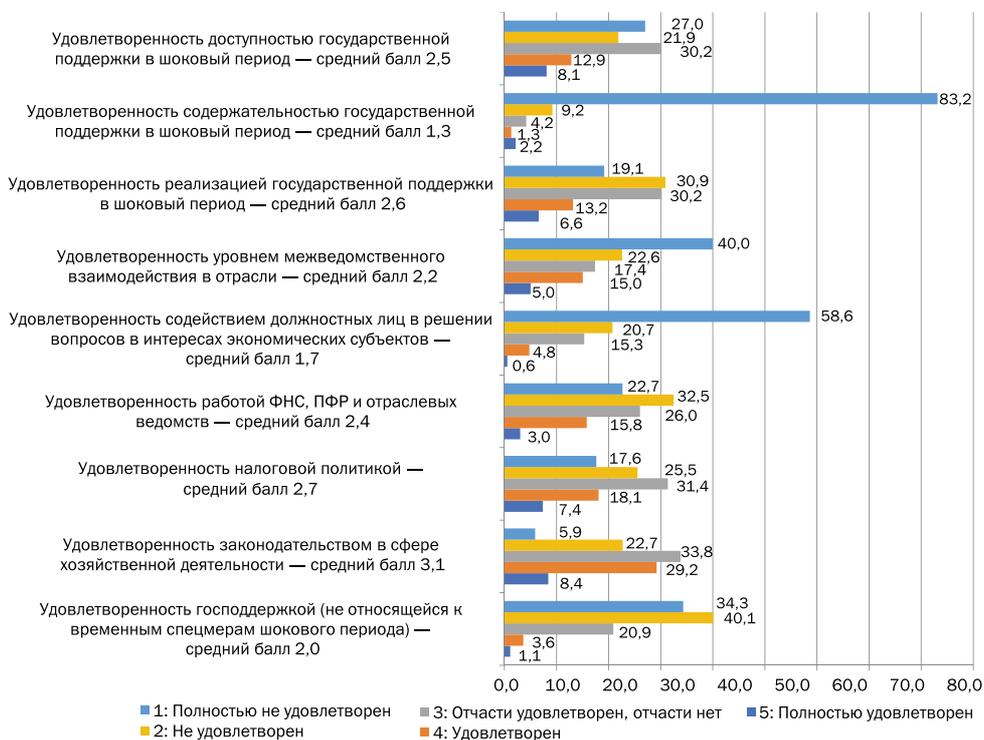
Так, согласно результатам проведенного исследования (см. рис. 2), представители российского предпринимательства в целом не удовлетворены государственной поддержкой (средний балл по шкале Лайкерта составляет 2,0), при этом их абсолютно не устраивает содержательность государственной спецподдержки в шоковый период: ответы сопровождаются многочисленными комментариями о нецелесообразности большинства финансируемых мероприятий, которые не проводятся / недоступны / бессмысленны). По мнению респондентов, результативность такой поддержки низкая, ее условия не нашли своевременного доступного отражения через средства массовой коммуникации, равно как и на государственной цифровой платформе МСП.РФ²⁵, тестируемой с начала 2022 г.; процедуры оформления требовали большого массива документов в ограниченный промежуток времени, а принятие решений умышленно и безосновательно затягивалось. Активное государственное вмешательство, по мнению опрошиваемых, вынудило прекратить деятельность в среднем около пятой части организаций, а с учетом разнонаправленного характера принимаемых мер в большей степени способствовало искажению сведений с целью получения «ковидной» поддержки государства.

Вместе с тем экономическими субъектами на низком уровне (в среднем 1,7 балла) оценивается содействие должностных лиц в решении возникающих вопросов: наиболее популярные пояснения — бюрократизм, неуважительное отношение, обесценивание времени предпринимателя, превышение полномочий, отсутствие согласованных действий, низкий уровень доверия, переложение обязанностей, намеренное усложнение обязательных процедур, двойственная трактовка решений и др. Согласно общественному мнению, взаимодействие с позиции силы и власти преобладает над правом и интересами бизнеса, особенно на фоне продолжительного удаленного режима работы в отрыве от клиентов: сотрудники многих ведомств и подразделений до сих пор не практикуют полноценное взаимодействие в онлайн-режиме с учетом снятия всех противоэпидемиологических ограничений, отсутствует реальная возможность коммуникации по телефону, электронные системы работают с перебоями, в том числе не отражают актуальную информацию. При этом взятый курс на цифровизацию экономики и проактивный режим предоставления государственных и муниципальных услуг не реализуются на практике с заявленной эффективностью, что подтверждается низкой оценкой уровня межведомственного взаимодействия. Отмечаются несоответствие сведений, дублирование / потеря данных, сбои в работе программ, нежелание / высокая продолжительность межведомственного обмена, необоснованное назначение штрафов / проверок, размещение в личных кабинетах

²⁵ URL: <https://msp.rf/> (дата обращения: 24.06.2023).

вводящей в заблуждение информации и др.; доказательство невиновности, своевременности и правильности совершаемых действий перекладывается на плечи МСП, что, в свою очередь, создает лазейку для обходных мер и способствует процветанию серой экономики. Вместе с тем опрошенные подчеркивают перспективность дистанционного взаимодействия в векторе конструктивного снижения привлекательности теневых процессов и серых схем ведения бизнеса при условии реализации его потенциала в полной мере. Усугубляет положение и громоздкая российская законодательная база, отличающаяся догоняющим характером по принципу «ускоренного латания дыр», неоднозначностью трактовки норм права и непредсказуемостью изменений, поддерживающих социальную несправедливость и усиливающих нагрузку на экономические субъекты. Респонденты отрицательно отзываються о вынужденной непрекращающейся искусственной трансформации процессов хозяйственной деятельности с целью взаимодействия с государственными органами: регулярно меняющиеся формы отчетности с неизменной содержательностью, увеличение количества дублирующих информацию отчетов и запросов, создание новых ведомств, предъявление необоснованных требований к ведению бизнеса и др.

Рис. 2. Степень удовлетворенности²⁶ взаимодействием экономических субъектов с представителями власти и реализуемой государственной политикой в России: распределение ответов респондентов, %

Источник: составлено авторами.

²⁶ Представлены средние значения полученных ответов, оцененных по пятибалльной шкале Лайкерта: низкая степень удовлетворенности респондента оценивалась в 1 балл; наивысшая степень — 5 баллов.

Таким образом, терпимое отношение респондентов — представителей МСП к уклонению от исполнения налоговых обязательств и взяточничеству, российский менталитет, низкая степень удовлетворенности реализуемой государственной политикой и взаимодействием с представителями власти в шоковый период способствуют увеличению числа неформальных рабочих мест, не соответствующих критериям достойного труда, как в неформальном секторе, так и за его пределами, а также дальнейшей эскалации проблемы теневизации экономики в целом. Безусловно, выявленное общественное мнение полностью согласуется с выводами моделей рационального выбора: чем выше уровень осознания вероятности разоблачения сделок коррупционного характера / факта фальсификации сведений и суровость наказания, тем ниже заинтересованность экономических субъектов в неформальной деятельности и ниже вероятность проявления ими признаков делинквентного поведения — респонденты также подчеркивают особый интерес контролирующих органов к небольшим объемам финансово-хозяйственной деятельности, что позволяет быстро и примитивно проводить проверки (осмотры и ревизии), сравнительно просто выявлять правонарушения. Очевидно, что послабления со стороны контрольно-регулирующих органов (снижение контрольно-надзорной нагрузки, амнистия за совершенные правонарушения и др.) и иные антикризисные мероприятия государства не способствуют снижению уровня серой экономики в критические периоды (тезис подтверждается и в научных трудах Ф. Шнайдера [Schneider, 2012], Л. М. Капицы [Капица, 2014] и др.). Это указывает на необходимость изменения содержания и характера реализации комплекса специальных мер государственной поддержки с учетом адекватной оценки напряженных реалий.

Заключение

Предложенный теоретико-методологический подход заключается в уточнении границ неформальной занятости как социального явления за счет пересмотра позиции восприятия неформального сектора и его переоценки в части безусловного установления «производственных» единиц учета (выборки) в новых реалиях правовой основы ведения хозяйственно-экономической деятельности / трансформирующихся бизнес-моделей. Его применение предусматривало проведение социологического опроса предпринимателей и топ-менеджеров МСП и расчет модифицированного Индекса неформальной экономики, что позволило определить границы неформализованной занятости и выявить факторы, влияющие на вовлеченность в нее экономических субъектов. Создаваемые условия для представителей МСП, характер и уровень взаимодействия с властными структурами, реализуемые предпочтения, финансовая культура и налоговый менталитет российского общества — все это в целом определяет уровень неформальной активности экономических субъектов. В современном мире уже наблюдается тенденция к «обелению» деятельности субъектов МСП и готовность российского общества к формализации трудовых отношений.

Исследование общественного мнения представителей делового сообщества позволило выявить масштаб нерегистрируемой экономики в сегменте МСП, а также определить комплекс взаимообуславливающих факторов, влияющих на степень вовлеченности предпринимателей в нее. Обобщение мнений респондентов при-

вело к выводу о несоответствии официально применяемой методологии по измерению занятости в неформальном секторе экономики современным реалиям и назревшую объективную необходимость трансформации методики проведения исследования в предложенном авторами ракурсе. Данный аспект является также преградой для эффективного выполнения задачи 8.3 Целей устойчивого развития²⁷: содействовать проведению ориентированной на развитие политики, которая способствует производительной деятельности, созданию достойных рабочих мест, предпринимательству, творчеству и инновационной деятельности, и поощрять официальное признание и развитие микро-, малых и средних предприятий.

Обработка результатов анкетирования продемонстрировала ошибочное мнение об отнесении абсолютно всех самозанятых, ИП и работников, состоящих с ними в официальных трудовых отношениях, к единицам учета (выборки) неформального сектора. При этом рассмотренные факторы и обусловленные причины вовлеченности в неформальную экономику позволили выявить низкую результативность направлений государственной спецподдержки в шоковый период и определить эффективные рычаги государственного воздействия на масштабы серой экономики.

Полагаем, что качественное изменение отношения к субъектам МСП со стороны власти и предпринимаемые в интересах бизнеса меры будут способствовать сужению границ неформальной экономики, а реально отражающие положение дел статистические данные позволят объективно характеризовать состояние исследуемого сектора для принятия эффективных мер воздействия. Предложенная авторами методика по определению Индекса неформальной экономики на базе глубокого исследования общественного мнения позволит получать достоверные подлинные вторичные сведения, что обеспечит оперативность реагирования на возникающие проблемы и повысит надежность оценки потенциальных последствий принимаемых решений.

Вместе с тем в условиях отсутствия интенсивного сдерживающего государственного вмешательства на рынке, реализации разумной поддержки бизнеса и обеспечения условий для его развития интерес предпринимателей к уходу в неформальную экономику значительно снижается. Следует подчеркнуть, что полное искоренение неформальной занятости как социального явления на рынке труда невозможно, однако сокращение границ необходимо мотивировать не только с позиции административных (репрессивных) мер воздействия, ограничивающих свободу действий субъектов МСП, но и полномасштабной реализации превентивных процедур, внедрения экономических стимулов и иных привлекательных условий, назначаемых в том числе по результатам онлайн-взаимодействия в проактивном режиме (практической реализации комплекса налогового, финансового, социального, коммерческого и иного взаимодействия).

Список литературы (References)

Барсукова С. Ю. Неформальная экономика: экономико-социологический анализ. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004.

²⁷ ООН. Цели в области устойчивого развития. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/economic-growth/> (дата обращения: 24.06.2023).

Barsukova S. Yu. (2004) *Informal Economy: Economic and Sociological Analysis*. Moscow: The Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.)

Барсукова С. Ю. Формальное и неформальное трудоустройство: парадоксальное сходство на фоне очевидного различия // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 3—15. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2003-07/Barsukova_Neform.pdf (дата обращения: 23.06.2023).

Barsukova S. Yu. (2003) Formal and Informal Employment: Paradoxical Similarity Against the Backdrop of an Obvious Differences. *Sociological Studies*. No. 7. P. 3—15. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2003-07/Barsukova_Neform.pdf (accessed: 23.06.2023). (In Russ.)

Воловская Н. М., Плюснина Л. К., Русина А. В. Скрытые формы оплаты труда: специфические черты, вовлеченность, мотивация (на материалах исследований в Новосибирской области в 2008, 2010, 2015 гг.) // Siberian Socium. 2017. Т. 1. № 1. С. 25—36. <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2017-1-1-18-26>.

Volovskaya N. M., Plyusnina L. K., Rusina A. V. (2017) Shadow Wages: Specific Features, Involvement Rates, Motivation (Based on Data Obtained in the Novosibirsk Region in 2008, 2010 and 2015). *Siberian Socium*. Vol. 1. No. 1. P. 25—36. <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2017-1-1-18-26>. (In Russ.)

Заславская Т. И., Шабанова М. А. Неправовые трудовые отношения: реакция россиян // Человек и труд. 2004. № 4. С. 39—46.

Zaslavskaya T. I., Shabanova M. A. (2004) Illegal Labor Relations: The Reaction of the Russians. *Human and Labor*. No. 4. P. 39—46. (In Russ.)

Капица Л. М. Теневая глобализация // Вестник МГИМО. 2014. № 3. С. 69—81. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-3-36-69-81>.

Kapitsa L. M. (2014) Shadow Globalization. *MGIMO Review of International Relations*. No. 3. P. 69—81. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-3-36-69-81>. (In Russ.)

Косач О. Ф. Современные методы аналитической оценки теневой экономики и их совершенствование // Бухгалтерский учет и анализ. 2016. № 11. С. 37—41. URL: <http://edoc.bseu.by:8080/handle/edoc/73113> (дата обращения: 23.06.2023).

Kosach O. F. (2016) Modern Methods of Analytical Assessment of the Shadow Economy and Their Improvement. *Accounting and Analysis*. No. 11. P. 37—41. URL: <http://edoc.bseu.by:8080/handle/edoc/73113> (accessed: 23.06.2023). (In Russ.)

Кубишин Е. С. Неформальная занятость в России: влияние и уроки пандемии // Вопросы политической экономии. 2021. № 3. С. 53—69. URL: https://disk.yandex.ru/i/bmtmqHtufeH_Gg (дата обращения: 23.06.2023).

Kubishin E. S. (2021) Informal Employment in Russia: The Influence and Lessons of the Pandemic. *Problems in Political Economy*. No. 3. P. 53—69. URL: https://disk.yandex.ru/i/bmtmqHtufeH_Gg (accessed: 23.06.2023). (In Russ.)

Покида А. Н., Зыбуновская Н. В. Динамика теневой занятости российского населения // Экономическая политика. 2021. Т. 16. № 2. С. 60—87. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2021-2-60-87>.

Pokida A. N., Zybunovskaya N. V. (2021) Dynamics of Shadow Employment of the Russian Population. *Economic Policy*. Vol. 16. No. 2. P. 60—87. <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2021-2-60-87>. (In Russ.)

Портес А. Неформальная экономика и ее парадоксы // Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 5. С. 34—53. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204955/ecsoc_t4_n5.pdf#page=34 (дата обращения: 23.06.2023).

Portes A. (2003) The Informal Economy and Its Paradoxes. *Economic Sociology*. Vol. 4. No. 5. P. 34—53. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204955/ecsoc_t4_n5.pdf#page=34 (accessed: 23.06.2023). (In Russ.)

Путниньш Т., Саука А. Индекс теневой экономики в России в 2017—2018 годах: сравнение с размером теневой экономики в Украине, Кыргызстане, Косово, Молдове, Румынии, Латвии, Литве, Эстонии и Польше // Отчет проекта SHADOW: Центр устойчивого бизнеса. 2020. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.14998.29761>.

Putniņš T., Sauka A. (2020) Shadow Economy Index in Russia in 2017—2018: Comparison with the Size of the Shadow Economy in Ukraine, Kyrgyzstan, Kosovo, Moldova, Romania, Latvia, Lithuania, Estonia and Poland. *Project SHADOW Report: Centre for Sustainable Business*. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.14998.29761>. (In Russ.)

Чепуренко А. Ю., Бершадская М. Д. Как обеспечить стыковку социологического образования и рынка труда: кейс разработки профессионального стандарта социолога // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 4. С. 312—331. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2193>.

Chepurenko A. Yu., Bershadskaia M. D. (2022) How to ensure the connection of sociological education and the labor market: a case study of the development of a professional standard of a sociologist. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. No. 4. P. 312—331. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.4.2193>. (In Russ.)

Giles D., Tedds L. M., Werkneh G. (2002) The Canadian Underground and Measured Economies: Granger Causality Results. *Applied Economics*. Vol. 34. No. 18. P. 2347—2352. <https://doi.org/10.1080/00036840210148021>.

Halla M. (2012) Tax Morale and Compliance Behavior: First Evidence on a Causal Link. *The B. E. Journal of Economic Analysis and Policy*. Vol. 12. P. 1—27. <https://doi.org/10.1515/1935-1682.3165>.

Hanousek J., Palda F. (2004) Quality of Government Services and the Civic Duty to Pay Taxes in the Czech and Slovak Republics, and other Transition Countries. *Kyklos*. Vol. 57. P. 237—252. <https://doi.org/10.1111/j.0023-5962.2004.00252.x>.

Heinemann F. (2011) Economic Crisis and Morale. *European Journal of Law and Economics*. No. 32. P. 35—49. <https://doi.org/10.1007/s10657-010-9165-z>.

Konrad K. A., Qari S. (2012) The Last Refuge of a Scoundrel? Patriotism and Tax Compliance. *Economics*. Vol. 79. P. 516—533. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0335.2011.00900.x>.

Marien S., Hooghe M. (2011) Does Political Trust Matter? An Empirical Investigation into the Relation Between Political Trust and Support for Law Compliance. *European*

Journal of Political Research. Vol. 50. P. 267—291. <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2010.01930.x>.

Medina L., Schneider F. (2018) Shadow Economies Around the World: What Did We Learn over the Last 20 Years? *IMF Working Paper*. Vol. 2018. No. 017. <https://doi.org/10.5089/9781484338636.001>.

Phillips M. (2014). Deterrence vs. Gamesmanship: Taxpayer Response to Targeted Audits and Endogenous Detection. *Journal of Economic Behavior & Organization*. Vol. 100. P. 81—98. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2014.01.018>.

Portes A., Castells M., Benton L. A. (1989) The Policy Implications of Informality. In: Portes A., Castells M., Benton L. A. *The Informal Economy: Studies in Advanced and Less Developed Countries*. Baltimore (Md): Johns Hopkins University Press. P. 298—311.

Putniņš T., Sauka A. (2015) Measuring the Shadow Economy Using Company Managers. *Journal of Comparative Economics*. Vol. 43. P. 471—490. <https://doi.org/10.1016/j.jce.2014.04.001>.

Schneider F. (2012) The Shadow Economy and Work in the Shadow: What Do We (Not) Know? *IZA Discussion Paper*. No. 6423. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2031951>.

Torgler B. (2003). Tax Morale, Rule-Governed Behavior and Trust. *Constitutional Political Economy*. Vol. 14. P. 119—140. <https://doi.org/10.1023/A:1023643622283>.

Torgler B., Schaltegger C. (2005) Tax Morale and Fiscal Policy. *CREMA Working Paper Series 2005—30*, Center for Research in Economics, Management and the Arts (CREMA). No. 30. URL: <https://econpapers.repec.org/paper/crawpaper/2005-30.htm> (accessed: 24.06.2023).

Yitzhaki S. (1974) A Note on Income Tax Evasion: A Theoretical Analysis. *Journal of Public Economics*. Vol. 3. P. 201—202. [https://doi.org/10.1016/0047-2727\(74\)90037-1](https://doi.org/10.1016/0047-2727(74)90037-1).